УДК 325

ББК 63.3(4Рос). 60.73-25

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-64-67

В. И. Дятлов

ДИАСПОРЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ СИБИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Миграционные процессы были и остаются критически важным фактором становления и развития сибирского переселенческого общества. Его гетерогенность определялась в т. ч. и диаспоральными стратегиями и практиками адаптации переселяющихся в Сибирь представителей этнических и религиозных меньшинств и трансграничных мигрантов. Огромную роль в выборе таких стратегий играла политика государства, как имперского, так и социалистического.

Ключевые слова: переселенческое общество, диаспоры, Сибирь, адаптация, миграция, диаспоральная стратегия.

V. I. Dyatlov

DIASPORAS IN THE RESETTLEMENT SIBERIAN SOCIETY: MECHANISMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Migration processes have been, and still remain very important to the formation and development of Siberian resettlement society. Its heterogeneity, among other markers, was determined by diaspora strategies and adaptation practices of people migrating to Siberia, representatives of ethnic and religious minorities and cross-border migrants. A huge role in the selection of such strategies is played the state policy, both imperial and socialist.

Keywords: resettlement society, diaspora, Siberia, adaptation, migration, diaspora strategy.

Если понимать Сибирь не как территорию, а как социальность, особый, исторически сложившийся тип человеческих отношений и связей, то основная его характеристика концентрируется, видимо, в словах «переселенческое общество». В основе его генезиса лежал и во многом лежит до сих пор сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как неоднородность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения прошлого. Причем это прошлое население

постоянно укореняется, «осибирячивается», приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, в отсутствие надежных коммуникаций и при недонаселенности региона.

Важнейшей составной частью сибирского переселенческого общества становились в т. ч. и мигрирующие представители меньшинств – религиозных, этнокультурных, иностранных. Выходцы как из других регионов страны (из-за Урала, с запада), так и из-за рубежа.

Люди попадали в Сибирь в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции бывал растянут во времени, но иногда мог принимать концентрированный, «залповый» характер. Переселялись крестьяне и горожане, представители различных социальных, профессиональных, сословных и имущественных групп. На новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Какие стратегии адаптации при этом выбирались? Входила ли в эти стратегии задача сохранения прежней групповой идентичности? Использовались ли индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество в экстремальных условиях? И если коллективные – то формируют ли переселенцы эти коллективы на новом месте или приносят их с собой? Если формируют – то каков механизм? На каких основах это происходит?

Можно предполагать существование индивидуальных стратегий, ориентированных на ассимиляцию, полное растворение в принимающем обществе, обретение новых групповых характеристик и самоидентификаций. Особенно если происходило постепенное и дисперсное расселение при крайне ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов. В ситуации полного доминирования русского языка и культуры, давления власти, задававшей параметры групповой организации через сословную систему. Когда смена языка и религии (т. е. почти полная смена социального кода) становилась условием личного вертикального социального роста. При этом рудименты прежних идентичностей и культурных характеристик могли сохраняться. Происходили одновременно русификация и осибирячивание – как обретение неких общих характеристик региональной группы. Существующие источники и основанные на них иссле-

дования говорят о распространенности такой модели адаптации.

Осибирячивание могло происходить и без глубокой русификации. Предпосылкой тому становились групповые, диаспоральные стратегии адаптации. Они были востребованы при массовых, практически единовременных переселениях. Тогда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Менониты полностью воспроизвели все элементы духовной, религиозной жизни, социальных связей и отношений, хозяйственного уклада, стиля жизни. Легче всего эта задача решалась при формировании собственной сельской общины. Консервативность сельской жизни являлась мощной поддержкой и опорой групповой самоорганизации и идентичности. Перемены часто принимали форму развития и укрепления традиции. Большую важность приобретал и фактор покинутой (хотя бы и добровольно, с возможностью возвращения) «исторической родины», поддержания связей с оставшейся там «материнской группой».

Групповая трансплантация была не единственной стратегией. Это демонстрирует процесс формирования еврейских общин. Как правило, евреи попадали в Сибирь индивидуально, не в составе групп. Добровольно и принудительно. Расселялись дисперсно, в т. ч. и в результате целенаправленной политики властей. Избирали по преимуществу городские профессии и сферы занятости (торговля, ремесла, услуги), но часто занимались этим и в деревнях. Приписывались к различным сословиям. Все это не мешало им формировать устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм.

Что же заставляло избирать диаспоральную стратегию и практику адаптации, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик

и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных)?

Для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в «черте», так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве иноэтничного и инорелигиозного меньшинства в городах Европейской России, накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Принципиально важны были ценности идентификации – то, ради чего собственно воспроизводство группы и необходимо. Только формирование собственной религиозной общины становилось залогом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община – иудейской, польская – католической. При том что конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований, самоорганизация в форме религиозных общин признается властью делом в принципе законным, иногда необходимым.

Условием диаспорализации становится формирование критически необходимой массы переселенцев. Это могут быть и отдельные ядра в городах (но не только), к которым притягиваются дисперсно рассеянные представители группы. Без такого минимума участников невозможно выстраивание каркаса институтов (религиозных и светских), формирование достаточно плотных сетей связей и отношений, поддержание связей с исторической родиной, сохранение и развитие исторической памяти, языка, других элементов культуры, невозможно создание механизмов взаимного социального контроля и поддержки.

К началу XX в. происходит разложение сословного строя. В его недрах

вызревают элементы новой социальной структуры. Частью процесса становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности. Самостоятельное и огромное значение приобретают школа, язык, сети и связи, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви – но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа становится городская, светская по духу, современно образованная элита – предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры.

Советская власть радикально ускорила процесс диаспоростроительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность наряду с классовым критерием была взята в качестве одной из основ реформирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, созданием и пересозданием «национальностей». Все это демонстрирует огромную роль государства, которое может поощрять диаспоростроительство, может относиться к нему нейтрально, может препятствовать или жестко пресекать. Имперская власть диктовала логику сословно-конфессиональную, советская – этнонациональную.

Все сказанное относится к имперским подданным и затем советским гражданам. Но на востоке России формировались и играли огромную роль меньшинства иного типа – трансграничные мигранты. Они избрали диаспоральные стратегии и практики интеграции в принимающее общество. Они входили в него как группы, сплоченные не толь-

ко родным языком, культурой, связями с исторической родиной, но и системой формальных и неформальных институтов, кодексами неписаных, но действенных норм поведения и морали, сетями прочных связей и взаимозависимостей, быстро сложившимися практиками, обычаями и традициями.

Многое сделав на первых порах для этнизации отношений, для диаспорализации меньшинств в частности, советская власть более позднего периода постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самостоятельности вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности. Были закрыты возможности создания национальных школ, общественных организаций, культурных учреждений. Практически ликвидированы религиозные общины и институты. Не поощрялись, а зачастую и преследовались неформальные сети и отношения по этническому признаку. Физически уничтожалась и традиционная, и современная элита. До предела затруднялись связи со странами исхода.

Коллективные репрессии по этническому признаку могли вести к консолидации соответствующих групп, развитию внутригрупповых связей и неформальных сетей и структур. Формируется собственная неформальная элита, выступающая от имени группы, при необходимых условиях выдвигающая требования, в т. ч. иногда и политического характера. Актуализируется проблема «исторической родины» и необходимости укрепле-

ния связей с нею, вплоть до постановки задачи репатриации. Не менее широко была представлена и иная модель поведения, при которой этническое своеобразие не подчеркивалось, а иногда и просто скрывалось, оставаясь в сфере семейной памяти и традиции. Для многих это был путь к ассимиляции.

Однако интенсивные процессы «национально-культурного возрождения» после крушения социализма свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. По всей стране образуются национально-культурные общества и автономии. Их численность, направления и формы деятельности различны, но само их повсеместное существование является яркой манифестацией существования этничности и существования диаспоральной жизни. Интенсифицируются отношения с «родинами предков» — иногда вплоть до массовых кампаний по репатриации. Уникальные по масштабам и степени влияния на принимающее общество трансграничные миграции из «старого» и «нового» зарубежья приводят к формированию массовых мигрантских сообществ диаспорального типа.

В целом же коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России продемонстрировали, что диаспора — это не данность и не предопределенность. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей, этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия» № 15-01-00243а.